

Кшиштоф ПЕНДЕРЕЦКИЙ: Челябинский метеорит на творчество меня не вдохновил

Фестиваль, посвященный юбилеям двух польских композиторов — 80-летию Кшиштофа Пендеревского и 100-летию со дня рождения Витольда Лютославского, — не оставил равнодушными поклонников. Кшиштоф Пендеревский — классик, авангардист, неоромантик, автор знаменитого «Плача памяти жертв Хиросимы» — сам приехал на праздник и дирижировал своими сочинениями. Здесь прозвучали два произведения, написанные в последние шесть лет, которые никогда прежде в России не исполнялись: валторновый концерт «Зимний путь» и «Три китайские песни для голоса с оркестром». А мы воспользовались случаем и задали несколько вопросов композитору.

«ПОЛЬСКИЙ ТРУДЕН ДЛЯ УШЕЙ ИНОСТРАНЦЕВ»

— Пан Кшиштоф, расскажите, пожалуйста, о ваших новых произведениях, которые прежде мы не слышали.

— Концерт «Зимний путь» написан мною для известного валторниста. Как правило, в последние годы я пишу инструментальную музыку для хорошо известных исполнителей. Для меня важно общение с человеком, контакт с ним. Может быть, благодаря нашей дружбе с этими исполнителями музыка становится богаче.

В цикле «Китайских песен» у меня задумано всего семь произведений. Пока написано три. Они выражают мое восхищение старинной китайской музыкой и поэзией. Я часто езжу в Китай в последние годы.

— А какие именно китайские поэты вас вдохновляют?

— Ой, я забыл, как их зовут. И естественно, песни написаны не на китайском языке, которого я не знаю, — они на немецком. В польском очень много шипящих, он весь «шелестящий» и очень труден для ушей иностранцев. А немецкий очень подходит для того, чтобы его использовать в музыке. И я его хорошо знаю, он мне близок.

Что касается еще одного произведения, которое будет исполнено, Третьей симфонии — она уже когда-то исполнялась в Петербурге, и тем же самым оркестром Филармонии. Это довольно сложное, философское произведение. Но филармоническому оркестру я очень доверяю. В нем сохраняется дух основателя, Евгения Мравинского.

— А с другим композитором, чьи произведения вошли в программу фестиваля, с Витольдом Лютославским, вас что-то связывает?

— Его музыка достаточно герметична. Я моложе на 20 лет, и наше творчество совершенно различно, у нас ничего нет общего. Путем Лютославского никто не идет в современной Польше. Нет такой традиции, нет продолжателей...

«МУЗЫКУ НА СТИХИ ЕСЕНИНА Я ЕЩЕ НАПИШУ»

— Вы как-то сказали, что вдохновляетесь на новое

творчество, читая книги. Какая литература вас сейчас побуждает к этому?

— Когда я был студентом — писал произведения на слова польских поэтов. Когда отмечался юбилей Фридриха Шопена, я создал целый цикл на стихи поэтов, посвящавших свою поэзию Шопену. Потом моя жизнь пошла иначе. Я много жил за границей, работал с немецкими театрами и использовал немецкий язык. А еще я привык к использованию латинских текстов. Вообще я родился, можно сказать, в библиотеке своего дедушки и отца, которые закончили классическую гимназию. И естественно, в доме много было произведений античных авторов на латыни и на греческом, которыми я зачитывался.

Одна из самых близких для меня книг — Библия, и поэтому у меня так много сакральных произведений, ораторий. Но Бог для меня не стоит на первом месте. Его все-таки занимает человек.

В общем, сложно сказать, кто меня вдохновит на создание новых вещей.

— Вы когда-то собирались написать музыку на стихи Есенина.

В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ ФИЛАРМОНИИ ПРОШЛИ «ДВА ДНЯ ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКИ»

— Это осталось в моих планах. Я обещаю вам, что наверняка напишу еще что-то по Есенину.

«ВСЕ КОМПОЗИТОРЫ ПЛОХО ДИРИЖИРУЮТ СВОИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ»

— А что еще, кроме поэзии, могло спровоцировать ваше творчество?

— Я принадлежу к тому поколению, которое пережило войну. Я родился в 1933 году. Война коснулась моей семьи, Польши — и я все это видел своими глазами. У меня были произведения, посвященные жертвам Освенцима и страданиям Польши. Самое существенное, большое произведение, которое отражает мое отношение к миру, — это «Реквием», который тоже исполнялся здесь, в Петербурге.

Но вообще музыка выше политики. Самое главное — то, что она передает. Мы можем ее воспринимать, будучи японцами или жителями Южной Америки. Она все равно производит впечатление.

Что касается моего «Плача памяти жертв Хиросимы», то это произведение и сейчас не теряет своей актуальности. Столько всего происходит в мире... Поэтому многие композиторы пытаются подражать этому моему сочинению, как-то его обрабатывать, как Джон Гринвуд из группы «Радиоhead». Мы с ним давали совместные концерты, исполняли наши произведения — и это пользовалось успехом у молодежи. Собирали в зале 10 тысяч человек, а на открытом воздухе — 50 тысяч человек, в основном молодых, которым все это было интересно. Я очень рад, что моя музыка до сих пор жива.

— Какие-то нынешние события вызывают ваш отклик?

— Я не историк, не хронист все-таки. Все те несчастья, которые происходят в Бангладеш и в других странах, — падение метеорита, например, не вдохновляют меня на создание новых произведений. Мне важно то, что я создаю сам по себе.

— Вам сложно будет дирижировать оркестром, исполняющим ваши же вещи?

— Вообще все композиторы плохо дирижируют своими произведениями. Вот хоть Лютославский: великий музыкант, но совершенно фатально не мог дирижировать в таком случае.

Тут должна быть четкость, сила жеста. Это сложно объяснить словами, как это получается: один жест — и оркестр все понимает и исполняет так, как хочется дирижеру. Мою музыку дирижировал и Герберт фон Караян, и Зубин Мета, и почти все известные дирижеры. И мне кажется, что все они делали это лучше, чем я.